

ЕЛЕНА АЛЬМАЛИБРЕ ЛИЛИЯ ГОРСКАЯ
СВЕТЛАНА ЛЁВКИНА АНТОН НОСОВ
АЛЕКС О ЖЕНЯ ОЗЁРНАЯ ИРИНА СУНЦОВА
НУЛЬ ФОРМ НИКА ЧЁСОВА

ДЕВЯТЬ
ЖИЗНЕЙ
ОКТАБРЯ

Москва

ЕЛЕНА АЛЬМАЛИБРЕ ЛИЛИЯ ГОРСКАЯ
СВЕТЛАНА ЛЁВКИНА АНТОН НОСОВ
АЛЕКС О ЖЕНЯ ОЗЁРНАЯ ИРИНА СУНЦОВА
НУЛЬ ФОРМ НИКА ЧЁСОВА

ДЕВЯТЬ
ЖИЗНЕЙ
ОКТАБРЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д25

Д25   Девять жизней октября. — Москва : Эксмо, 2025. — 576 с. — (Литературный пазл. Мегапроект крупнейшей социальной сети).

ISBN 978-5-04-214066-2

Девять разных авторов объединили свои силы и за шесть недель написали удивительный, яркий роман о застывшем в янтаре вечности вымышленном городке Завьяловске. Здесь каждый, получив билет на киносеанс, обретёт шанс изменить всё. Сделать это можно по-разному: кто-то захочет быть вместе с возлюбленным, а кто-то — вместе с единственным другом. Кто-то попадёт в другое время и место, а кто-то, прежде легкомысленный, найдёт смысл жизни. Найдётся и тот, кто решит стать чуть ли не богом. И всем им для этого понадобится исчезнуть.

Выгоревший журналист провинциальной газеты Максим Энский видит между исчезновениями жителей Завьяловска связь, что и влечёт его в пыльные библиотечные хранилища, на улицы города, в собственное прошлое — к тому, кто за всем этим стоит. Он за пределами реальности, и вообще... человек ли он?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Горская Л.О., Озёрная Ж.,
Лёвкина С.В., Альмалибре Е.,
Носов А.Н., Алекс О., Форм Н.,
Сунцова И.Ф., Чёсова Н.С., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-214066-2

Глава 1

МАКСИМ. СЕАНС УЖЕ НАЧАЛСЯ

Будь внимателен к мелочам, Нелюбин.

Будь. Внимателен. К мелочам.

Так говорили преподаватели в школе журналистики, и я чувствовал — они верят: из меня точно что-то выйдет.

В подъезде врубается свет, хлопает входная дверь. Три оборота ключа. Двадцать два ноль-ноль. Десять минут до начала киносеанса — в первый раз хочу, чтобы в кинотеатре подольше крутили рекламу.

Звук моих шагов эхом разносится по подъезду, и на первом этаже, в квартире у самого выхода, лает пес.

На улице тихо и пахнет прелыми листьями, за мной будто следит кто-то из окон. Одобрительный писк сигналки — и еще один хлопок дверью, уже автомобильной. Уж простите, соседи. «Фордик» срывается с места, и меня впечатывает в кресло. Второпях пристегиваюсь, хотя все равно никто уже не видит. Мелькают за окнами скупые огни фонарей, и в голове бьется только одно: кинотеатр «Октябрь».

Я разберусь, какого черта там происходит, — в эту ночь и в этот час. Брошу машину у бетонного блока, который вообще никогда не замечал, — понаставят, тоже мне. Перебегу через темный парк — наперерез, по газону, чуть не впечатавшись в мусорную урну. На входе

в кинотеатр пролечу мимо скучающего охранника, который уже настроился скоро закрывать заведение — ну да, кто еще сюда придет, на последний-то сеанс, в ночь на понедельник. Шваркну наличкой в сторону испуганной кассирши и процежу: «Быстрее». А она проговорит мелодично: «Мест уже нет». — «Как нет?!» — Я ткну пальцем в стекло перед экраном, указав на свободные места, и поинтересуюсь: — Они что тут, с ума посходили, что ли? Их что, сильно устраивает такая жалкая выручка, в стриминговую-то эпоху? А кассирша посмотрит на меня, тем взглядом, который я кожей чувствовал из окон, — и чуть ли не пропоет: «Хватает. Сеанс уже начался».

И мне почудится в самом слове «сеанс»... что-то от литургии, а что-то от оккультного обряда. Что-то от психотерапевтической сессии, а что-то из компьютерной терминологии. Я не знаю. Но вот в чем уверен: из меня, как из журналиста, что-то выйдет, если я тут же сорвусь в сторону первого зала и разберусь сам, какого черта там происходит в эту ночь и в этот час. Не опомнится придремавшая билетерша с кудрявыми фиолетовыми волосами, не остановит охранник. Ведь я, как меня и предупреждали, был внимателен к мелочам.

* * *

Хорош в забегах я был не только тогда, но и вообще. Удирал от матери, учебы, работы, друзей, подруг и девушек, и от бывшей жены своей тоже ушел. Потому что первое и самое понятное в жизни, что я начинаю чувствовать, когда останавливаюсь, — это скука. Она догоняет, а я несусь вперед в надежде, что однажды она отстанет и там, за поворотом, ждет нечто лучшее, свежее, интересное.

Мать запихнула меня учиться на программиста, и я, ясное дело, затух. Пошел в школу журналистики, чтобы искать, рыться, проталкиваться, догонять, узнавать.

И теперь я даже не Нелюбин, а Энский. Максим Энский. Так подписаны мои материалы на сайте «Наблюдателя». Весь город Завьяловск знает, что он — это я, но мне так лучше. Спокойнее. Так кажется, что не достает меня своими щупальцами злое прошлое, не отравляет нынешнюю жизнь — да, я опять сбежал. Но все равно посматриваю издалека, на безопасном расстоянии, как там те люди, которые знали когда-то меня Нелюбина. Может, возлагали на меня какие-то надежды или даже верили в то, что из меня выйдет...

«К черту!» — говорю я под нос, обнаружив, что перешел в «ВК», на страницу Эли Мурт, — странно, что она вообще сидит в соцсетях в таком возрасте, — и все равно, как замороженный, продолжаю просматривать ее аккаунт. За месяц, два, полгода, два года; одежда ее до сих пор, хотя прошло больше четверти века, темна, и лицо не выражает ничего интересного. Как она тогда жила без него, без деда?

Дед, то есть муж ее, наверное единственный, с кем бы я сам сейчас хотел поговорить, если бы мог. Если бы возможно было вернуть детство или его самого в эту дыру, если бы он, во-первых, не исчез тогда, а во-вторых, дожил до этого времени. Думать страшно, что сказал бы он обо мне теперь, но первая наша встреча была забавной. Я стоял у ограды детсадовской площадки, а он — за ней, и мы смотрели друг на друга.

«Так вот вы какие, дети будущего», — сказал он, улыбаясь.

Я впервые почувствовал, что значит смущение, иковырнул сандалией корень дерева, который попался под ногу.

А потом подошла воспитатка и оттащила меня от него. Мало ли чего он тут замышляет?

Но вскоре я узнал, что дед живет у соседнего двора в маленькой избушке, которую он называл говорушкой, с женой сильно моложе его, и фамилия у них Мурт. Все

скопом считали его странным, но ничего плохого он не замыслил, хотя моя мать тоже в это не верила. Он ахал и охал, видя мои синяки, кормил малиной и яблоками, рассказывал истории про страшных лесных людей, временами прятал меня от матери, которая везде за мной таскалась, и терпел мои шалости, даже если они касались его кота. Я видел, что просто был ему интересен — так, как надо, по-настоящему. Ему вообще весь мир был интересен. Казалось, дед в этом городе единственный был живым, как и его избушка. «День прожит не зря, — говорил он, открывая для себя какой-нибудь пустяковый по меркам взрослых факт, и спрашивал: — А ты что узнал сегодня, Максимка?»

Я пересказывал что-нибудь из жизни садика, а затем из жизни школы.

Однажды дед выдал: «Ты лучше завтра после уроков к нам в окно постучи, я чего-то тебе покажу». Я спросил напоследок, не замыслил ли он чего плохого, а дед только улыбнулся.

Как бы там ни было, следующим утром, идя через соседний двор, мы его не увидели. «Заболел», — прошипела мать в ответ на мой вопрос и дернула меня за руку. После школы на стук в окно никто не откликнулся. И мне стало грустно оттого, что я уже соскучился по его глуповатой улыбке.

Тоже хочу так улыбаться. Вот только мне все равно невесело. Потому и зашел в профиль Мурт, потом бывшей, одноклассников, друзей по школьным секциям, зашел на случайную статью в Википедии. Прокрастинатор, лентяй, интернет-зависимый — скажете вы, а я назову это социальным исследованием. Никогда не знаешь, где блеснет среди сора та мелочь, которая затем решит все.

Дед ведь такой в Завьяловске не первый и не последний. Да и, казалось бы, чего удивительного? Люди всегда пропадают без вести, это даже в порядке вещей, говорили мне взрослые. Кого-то убили и спрятали труп так, что

его потом не смогли отыскать. Кто-то пошел искупаться в речке и утонул, а тело очень далеко унесло течение. Кто-то увидел что-то интересное и зашел совсем не туда. А кто-то просто хотел исчезнуть, вот как я частенько. Уйти и никогда больше не говорить с теми, кто на тебя так влиял, кому ты признавался в любви и кто любил тебя самого.

Теперь, когда деда и всех остальных давно нет и как следует поговорить не с кем, я говорю с ним. С ежедневником то есть. Вношу туда то, что не могу сказать вслух или набрать в переписке. Так что ежедневник многое терпит. Вот кое-кто из «Наблюдателя» меня все-таки достает из-под земли в момент, когда хочется не существовать. Вот молчат источники. Вот я выжимаю из уже надоевшей темы все, что только было можно, а текст возвращают на доработку — и снова, и снова, и снова, пока он не потеряет смысл окончательно. Вот мне режут гоно-рар, пусть и вроде бы за дело. Вот кто-нибудь заявляет, что однажды нас, журналистов, заменит искусственный интеллект. А я выписываю все, что думаю, по старинке, на бумагу, и это вам не какие-то гугл-доки.

От дела опять отвлекает Шмелев, редактор. Мол, что там с текстом? Я отправляю ему то, что собирался доработать, но так и не сел за текст — охота ли опять тратить жизнь на какие-то сплетни? Пока он не поймет, в чем там суть, есть время. Редкие, драгоценные часы, чтобы копать свое, то, ради чего я, наверное, и пошел когда-то в школу журналистики. Искать таких же, как дед. Удобнее было бы копать, работая в органах, но туда меня все равно не возьмут.

Впрочем, интересного хватает и здесь. Я уже месяца два при возможности зарываюсь в старые газеты — библиотекари смотрят устало; собираю в папку пестрящие красным цветом ориентировки из соцсетей, набиваю закладки браузера ссылками, которые ни в жизнь, кажется, не разобрать. Сразу или со временем узнаю, что

кого-то из них нашли, живым или мертвым, и вычеркиваю их из списка. Список стремительно редееет, и тех, кого с девяностых так и не нашли, как ни странно, уже осталось в нашем районе не особенно много, и, глядя на их имена, я чувствую: не убегу, как бы ни старался. Они меня ждали, и пусть я окажусь психом, если между ними на самом деле нет никакой связи.

О большинстве почти ничего не знаю, — видно, еще не время, — а двоих представляю уже хорошо. Среди них спортсмен и местный тревел-блогер¹, который прославил наше захолустье. Еще один случай, уже двенадцатилетней давности, — девочка-сирота с собакой, которой она устроила дом в картонной коробке за одной из завьяловских школ. В книге записи воспитанников в интернате осталась лишь сухая запись о Яне Мироновой, а собаку какое-то время искали местные волонтеры, но так и не смогли найти.

Но, что бы ни случилось, дед всегда будет в списке как главный и любимый и как тот, кого я никогда не смогу отыскать. Но все-таки я снова открываю страницу Эли и не глядя на экран пишу ей короткое письмо.

Глава 2

НАСТЯ. ЕДУ, ЕДУ, ЕДУ К НЕЙ, ЕДУ К МИЛЕНЬКОЙ СВОЕЙ

«Только у меня не миленькая, а миленький».

«Чух-чух», — вторил поезд. «Шкряб-шкряб», — Настя обдирала старую косметичку кирпичного цвета, которая облупилась с одного бока. Шелуха поддавалась, и бок становился кипенно-белым. Настя залюбовалась. Получалась стильная двухцветная вещица. До модницы Насте

---

¹ Тревел-блогер — это путешественник, который регулярно создает авторский контент о своих туристических поездках.

было как до Москвы пешком. А чего выражаться, если каждый божий день в белом халате сидишь в кабинете с Магомедовной? Аллергия, анамнез, анаболики... Александр. Настя невольно прикрыла глаза, сама же заметила романтическую ужимку и прищурилась еще сильнее, как в старом советском кино про любовь, новую жизнь в ситцевых платящах и высотках, которые неслись в небо, а солнце перепрыгивало из одного еще не застекленного окна в другое. «Вот узнаю, что Саше нравится, тогда и закуплюсь».

Настя вспомнила, как целых шесть лет назад она начала переписываться с Гиги. Слово за слово. Аватарка, понятно, ни о чем — кувшинчик греческий. Как-то тепло, легко, приятно было, как будто в кувшинчике было домашнее вино, и оно тонкой струйкой текло в переписку, отвлекая от бесконечного потока пациентов, изможденных зудом, отеками и крапивницей. Не Гиги, а Саша. Ну Саша так Саша. Было приятно, что Саше захотелось снять шелуху соцсети и открыться. Настя почему-то думала, что и Гиги, и Саша были женского пола. Девчонки-то всегда найдут о чем поболтать. А тут вдруг эти «лэшечки»: «пришел», «сказал», «написал» вместо «ла»-«ла»-«ла». Вот тебе и девчонки. Настя была замужем, но уже как бы наполовину.

Когда Настя написала заявление, в больнице ахнули. «Давай мы тебя на месяц отпустим, ты погуляешь, отдохнешь, а потом вернешься — и стаж не прервется». Но Настя в душе хихикала, думая о том, как они будут бегать чинить принтер, драить изолятор, относить почту. А вот Магомедовну было жалко. Останется одна, без медсестры. Пока найдут... Но тоже поделом — каждый день опаздывает на час-полтора. Народ в коридоре топчется, все норовят дернуть ручку двери кабинета, а то и заводят какого-нибудь старичка под руки. А что Настя сделает — посадила под кондиционер, читайте вон на плакате рекомендации ВОЗ. Но Магомедовна хорошая. Принимает

каждого по часу — пока все расспросит. Заходит в больничный коридор неспешно, — маленькая, тучная, — как-то сразу все успокаиваются, затихают. Никогда не повысит голос — ей кто-то начнет с эмоциями рассказывать, как комарики кусь-кусь, а она кремом намазала, и как пошло по всей шее до живота... А Магомедовна или слушает, нацепив очки на переносицу, или пишет-пишет. Человек пар выпустил — ему полегче. Грамотный врач лечит своим присутствием. Настя за годы работы все дозировки наизусть знала, все подруги чуть что — к ней консультироваться. Да что там подруги! Откуда-то брались какие-то знакомые знакомых, просили денег на то, другое — Настя не отказывала. Муж не знал, у них бюджет был отдельный. «Ты девочка большая». Правда, девочкой называл редко, чаще Бабой-ягой. Нет, не за горбатый нос или кривые зубы — по этим пунктам у Насти все было идеально, все-таки художник-портретист в жены абы кого не взял бы. Волосы длинные, темно-русые, в сумерках загадочно отливали каштановым оттенком. А сказочный псевдоним муж прицепил ей за то, что увидел дома в углу паутину и говорит: «У тебя дома, как в избе у Бабы-яги, все паутиной заросло». А то, что у него в мастерской бардак, это ничего — творческий беспорядок, понятно, для вдохновения.

«Ладно уже, кто старое помянет...»

Саша был одинокой душой, как и она. Про возраст Настя не спрашивала, одну фотографию он прислал — в темных очках с бородкой, моложе ее точно. А голос был странный — низкий, хриплый, как будто не по возрасту. Нет, Насте все нравилось, просто голос и правда был какой-то «неоправданный». Саша, похоже, ужасно любил кино, особенно советское. То тут цитатка, то там. Настя была болтушкой. Хотя нет, это с Сашей она была болтушкой. А как ей нравилось, что он запоминал ее фразы и потом иногда писал ими же! Их совместный мир расширялся, крепчал, заполнялся разговорами, замешанными

на предвкушении встречи, которой все не было и не было. Всего раз Саша спросил у Насти, а что ей нужно. Настя, словно застегнутая до последней пуговички, ответила, что только общение — думала, что Саша играетя.

За шесть лет Саша сменил три десятка аккаунтов. Первые несколько раз Настя теряла самообладание, мучилась, обещала себе больше не искать, не ждать. Но, так или иначе, среди очереди незнакомцев на добавление в друзья в соцсети снова появлялся Он. Приходилось добавлять в друзья. «Это ты?»

Насте казалось, что всякий раз все начиналось сначала, но все-таки кое-что оставалось неизменным — умение Саши слушать и повторять ее фразы в новой, точно написанной с нуля, истории их общения. Саша знал о ней больше подруг. Про двоих взрослых детей — сына и дочь, которые пошли по стопам отца. Правда, живопись не уберегла дочь от парня-приживалы, у которого, кроме красоты, ничего не было, а сына — от игровых автоматов в компании с наркотиками. Как-то раз Настя с друзьями-санитарами, одетыми в белые халаты, ворвалась в подвал киберкафе, крича, что вызовут полицию, и с тех пор сына туда ни под каким предлогом не пускали — бескомпромиссная победа. Про то, как умер отец, а она заболела и не смогла приехать на похороны. Про то, как год назад Настя пришла к разводу, и никто не стал ее удерживать. Про косметику в том самом углу, где муж усмотрел на потолке паутину, а после развода не дал забрать ни одного тюбика. Про поклонника-старичка, который заглядывал в кабинет и оставлял ей яблочки, про то, как пироги пекла с этими яблочками.

Муж Настю ревновал и ей же объяснял, что ревновать ее смешно. Саша вообще, кажется, не знал, что такое ревность. На мужа реагировал спокойно, правда, и на развод тоже.

Однажды на Настю что-то нашло, и она по примеру Саши решила удалить страницу в соцсети, создала но-

вую. Саша с завидной легкостью отыскал ее и добавился в друзья. На аватарке Насти была сирень — любимый цветок, любимый аромат. «Сиреневый цвет привлекает психически нездоровых людей», — сказал бы муж-художник. А Саша просто нашел и ничего такого не сказал. Вообще, конечно, что скажешь человеку, который за месяц увольняется, разводится, объявляет детям и пожилой маме, что уезжает, когда вернется — не знает. Муж надавал тумачков с присказкой: «Потом не сиди под окном, не люблю собачий вой». Мама охала-ахала, не отпускала, но Настя понимала, что дальше только в петлю. Дети пожалли плечами. Настя купила билет на поезд.

Саша писал, что уезжает из города на месяц. Настя молча села в вагон, присела на кушетку, та была ровной-ровной, напонила больничную, что стояла в кабинете для процедур. Взгрустнулось, когда вспомнила работу. Какую благодарность ей один раз написали... А она ведь не врач, а просто сестричка.

Саше. Сюрприз. Адреса не было, только город. Она приедет, найдет жилье, работу, чтобы не обрушиваться с чемоданами на любимого человека. «Медсестер везде не хватает, не пропаду. В крайнем случае пойду в кулинарию салаты резать. Да хоть голубику, яблоки собирать — я работы не боюсь». Мама продолжала писать, уговаривать, словно Настя еще не смотрела на русские леса за окном, а стояла у мамы в квартире, где жила, выйдя из трешки мужа. Свою маленькую квартиру она сдавала. Тоже какая-то копейка, пока будет работу искать.

Насте все время казалось, что у нее мокрые волосы — всю поездку. Она допила очередную чашку чая, вышла помыть, вернулась. Подумала, что опять не посмотрела на себя в зеркало — с самого начала поездки в голове было слишком много мыслей.

Нужно было написать Саше. Он до сих пор не знал, когда она приезжает. Сеть не ловила. Перечеркнутый кружочек. Они с Сашей обменивались картинками.